Баки в который раз выдернул толстое, увесистое деревянное копьё из трухлявого ствола. Тяжело выдохнул, стёр текущий по виску пот о плечо с культёй. Уже который день он уходил в лес тренироваться, и который день не оставляла его смутная тревога. А Стив… друид ничем не помогал ему. Он сбегал — так понял Баки, когда, живя бок о бок, он стал пересекаться с ним на поляне и в землянке всё меньше. Нет, конечно, у друида началась весенняя пора, и едва полезла из жирной влажной земли зелень, а на ветках набухли почки, он выбирался из-под полога ни свет ни заря и отправлялся собирать, сушить, заготавливать — делать то, что, видимо, и должен был делать настоящий друид, к которому приходили за снадобьями от хворей из ближайших поселений. К Стиву приходили — пускай не часто, но и не так, чтобы совсем оставили их в покое, как бы хмуро и сердито Баки не встречал гостей. И всё одно ему казалось, что Стив сбегает. Утром его лежанка была пуста, хоть и хранила ещё остатки тепла тела. А когда Баки без сил заваливался спать, Стив ещё вываривал что-то в котле, разливал по глиняным горшкам и бутылкам, запечатывал воском или растягивал свежий пузырь, закрывая горлышко. Он трудился так усердно, что Баки диву давался — откуда в этом тщедушном теле столько неутомимости и силы? Столько желания делать что-то для других, делать так много? Не для них ведь он собирает целые котомки смолянистых почек, первых яблоневых цветков, скрученных, едва проклюнувшихся листьев папоротника.

В одно утро Баки понял, что и у него есть дела. Время от рассвета до заката солнца пролетало так быстро. Нужно было справить новое деревянное корыто, починить расшатавшийся за зиму нужник, укрепить в паре мест пологие стены землянки. Опять же, его идея с большой охотой на оленей не давала покоя. Он нашёл подходящую породу молодой поросли, крепкую, достаточно плотную древесину — и нарубил себе увесистых кольев. Долго обтёсывал их от коры, заострял, а потом ходил на свою поляну тренировать броски. Как же это было тяжело! Без руки всё стало чувствоваться по-иному. Баки заваливало на бок и заносило от невыверенного размаха, копьё улетало вовсе в непонятную сторону. Баки сердился и рычал как медведь, потрясая кулаком, пугая птиц и мелкое зверьё. Одна только Хмага как ни в чём не бывало продолжала дремать под кустом ольховника, лишь только ненадолго повернув в его сторону мохнатое ухо. Совсем недавно на окраину леса пришли олени — и остались там, облюбовав редкий осинник. Увидев их однажды, Баки загорелся от мысли метнуть копьё в самца. Он бы не стал трогать самок, те уже были тяжелы и ждали оленят, без устали поедая молодую поросль. Баки же мечтал проредить стадо на пару-тройку голов. Не страшно, народятся новые. Зато они со Стивом надолго смогут забыть о голоде, что накатывал на них порой после долгой выматывающей зимы.

Пока он метал копьё в старое дерево, подросшая волчица лениво развалилась в кустах, залитых уже тёплым солнечным светом, — то ли прячась от лучей, то ли греясь в них. Изредка она приоткрывала жёлтый глаз, но даже не думала поднимать морду. Обычно Хмага оставалась со Стивом и ходила за ним по пятам, но потом, в конец оголодавшая, пристраивалась за Баки и шла след в след с братом проверять силки, выскуливая для себя подачку — и, конечно, Баки их не обижал.

Оба волка так выросли всего за пару новолуний! Баки не знал, сможет ли теперь прокормить их всех. От возросшей тяжести работы его правая рука и плечо болели, и каждый вечер он только и мечтал, чтобы лечь на шкуру и распрямиться, почувствовав тяжёлое горячее гудение в месте, где рука соединяется с плечом. Его мышцы справа уже сильно отличались от обрубка левой. Он весь был неправильный, скособоченный, и особенно остро чувствовал это, когда смотрел на Стива — такого лёгкого, тонкого, гибкого, как ивовая лоза или ясеневый прут, из которых тот недавно плёл корзины на обмен. Когда он подсматривал, как Стив занимается

хозяйством, травами или же обмывается на мелководье озера, сверкая молочно-белой тонкой кожей — просто потому, что это было единственное, что тот ему оставил, — Баки чувствовал отупляющее дурманное наваждение. Словно кто накрывал его большим горячим камнем, и камень тот раздавливал его в лепёшку, нагревая собой, и не давал вздохнуть. В один из таких дней Баки ярко до дрожи осознал, что никого и никогда не желал так сильно. Ни за кем столько не следил взглядом, думами, чувствуя, как сердце словно на шерстяной нитке замирает, чтобы потом оборваться и нескоро застучать снова.

И всегда отдавались в голове те слова, сказанные раз — больше Стив не повторял. Не подходил близко, не ложился под одну шкуру, не касался даже пальцем. Порой Баки, изнывая без этого, зло думал, что сломать или вывихнуть себе что-нибудь, или как-то поудачнее пораниться — единственный путь близости с ним. С друидом, что не стал юлить ужом, а просто выложил ему тогда всё как есть. Не условие даже и не сделку, что-то намного большее. Баки тогда мало что понял, кроме того, что иного не услышит и не получит. А от слов тех Баки даже теперь порой делалось так страшно, что волоски вставали дыбом, а в животе сосала холодная пустота.

Где это видано, чтобы мужчина брал мужчину в круге Драконьих Зубов в день начала лета, долгожданный Бельтэйн? Перед взором самой Богини? Чтобы навлечь на себя внимание одного из её ликов, и кто сможет обещать, что будет то светлый лик, а не чёрный?

Баки боялся неизведанного. Он прятал эту свою слабость так глубоко, как мог, но думать о ритуале всё же было жутко. Как такое возможно? Разве не должны в круге древних камней соединяться мужчина и женщина, давая начало новому витку жизни? Наверняка, друид так только испытывал его — волю, терпение ли, что там ещё принято испытывать у лесных колдунов? Друид говорил твёрдо, прямо глядя в глаза, что с тех пор, как выжил Её волею, должен был служить Богине, и если Баки хочет его себе — то должен взять его там, с Её позволения. В Особенную ночь. И если камни и огонь примут их — то никто больше не усомнится в Её воле.

http://erolate.com/book/3459/83649